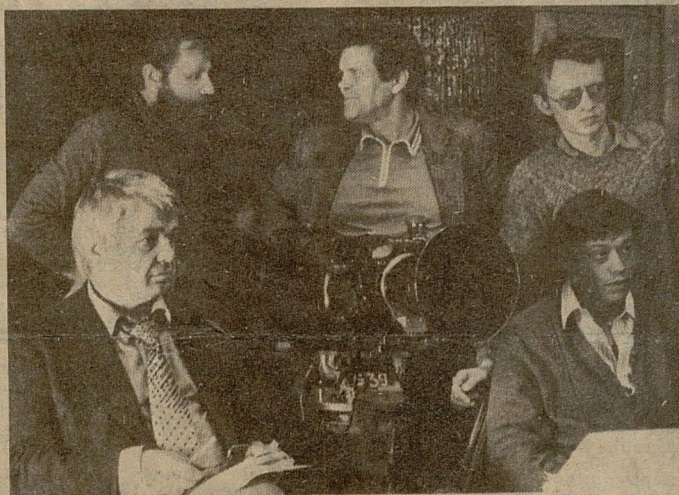

В гостях у десятой музы

Светлое окошко хаты. Замерли в палисаднике деревья, не вздрагивает от ветра листва: над ними сейчас не небо, а купол павильона киностудии «Беларусьфильм».

Сегодня здесь снимается эпизод из новой картины Игоря Добролюбова «Белые росы». Вхожу в хату, мельком оглядываю скромное убранство комнат. Игорь Михайлович представляет мне автора декораций — художника Евгения Ганкина. Затем знакомит с оператором Григорием Масальским. Для Добролюбова он не просто оператор-постановщик, а единомышленник. «Белые росы» — их очередная совместная работа. До этого были «Улица без конца», «Расписание на послезавтра», «Братушка», «Третьего не дано»...

Выпускник мастерской М. Ромма Игорь Добролюбов пришел в кинематограф в 60-е годы, заявив о себе ярким творческим дебютом. Одна из первых его лент «Иван Макарович» получила признание не только у нас в стране, но и за рубежом — на XXII Международном фестивале в Венеции была отмечена специальным призом «Серебряная Минерва». Картины Добролюбова, а число их уже подошло к десятку, пронизаны единой темой духовности и гуманизма.

— Игорь Михайлович, пожалуйста, несколько слов о вашем новом фильме...

— Сценарий написан молодым драматургом Алексеем Дударевым. По форме его можно отнести к такому ненаучному жанру, как «серьезная комедия». Фильм о родине, о месте, где человек родился, о невозможности отрыва от этого места...

Пока идут последние приготовления, отдаются последние распоряжения, устраиваюсь у стола и листаю экземпляр режиссерского сценария «Белых рос». Короткие записи на полях напоминают загадочные формулы, по которым воссоздается образ, возникший в воображении режиссера. Знакомлюсь с содержанием предстоящей

сцены. Она невелика, но и ее снимать будут по частям. Такова специфика кино. Глаз кинокамеры нацелен на актера Станислава Сададьского.

Лежит Мишка Кисель на кровати, вертит ручку транзистора, курит «Веломор». А к горлу ком подкатывает. Что же он наделал! Пять лет скитался где-то, за длинным рублем гнался и не знал, что дочь у него растет. А теперь он ей вроде и не отец...

Станиславу Сададьскому, исполнителю роли Киселя, приходится пока общаться с воображаемыми партнерами. Но гамма чувств, проявляющаяся на его лице, так неподдельна, так точна, что незримое угадывается... Вот вошла старая Киселиха, окликнула сына — он отвечает ей тихо и сдавленно. А вот явилась Галюнька, дочка родная, — Кисель сжимается, скользнула болезненная улыбка, слезы застлали глаза. Тихий шорох кинокамеры. Первый дубль, второй, третий...

Теперь к съемке готовится народная артистка БССР Стефания Михайловна Станюта, исполнительница роли Киселихи, и маленькая Юлия Космачева, играющая Галюньку. Воспользовавшись паузой в работе, задаю вопрос Станиславу Сададьскому:

— Что помогает актеру так вот быстро настроиться, «включиться» в образ? Откуда эти «живые» слезы?

— Наверное, это элемент профессионализма, если хотите — актерского мастерства...

— Роль Мишки Киселя — маленькая роль. Чем же она вас привлекала?

— Нет маленьких ролей... Но из предложенного я выбираю даже не роль, а сценарий. Главное — режиссер. Бывает так: и сценарий хорош, и роль прекрасная, а играть просто... не хочется. У Игоря Добролюбова снимаешься с удовольствием. Это режиссер, который любит актеров и умеет с ними работать.

Внешнее впечатление: Добролюбов работает как-то легко, без нервозности и суеты. Мя-

кая, доверительная интонация, внимание, доброжелательность — стиль его общения с людьми. Я немножко удивлена. В представлении непосвященного кинозрителя режиссер — это мечущийся по площадке, кричащий, отчаянно жестикующий субъект, то есть — образ, каким его часто преподносит сам кинематограф и который во многих случаях соответствует правде. Когда я говорю об этом Игорю Михайловичу, он улыбается:

— Есть и «нервы», и муки, и сомнения — без них не обойтись. Но все это стараешься оставить дома. На съемочной площадке должна царить максимально радостная обстановка. Иначе нельзя.

— Предлагаете ли вы актерам уже готовое решение или предоставляете полную свободу?

— Для меня очень важными представляются точный выбор актера на роль и точно поставленная перед ним задача. При соблюдении этих условий дать актеру свободу, возможность поиграть, поимпровизировать просто необходимо...

Вновь вспыхивают юпитеры. Съемка продолжается. А я долистываю, читаю сценарий. Белые росы — деревушка, что приютилась на окраине большого города. Все ближе подступают к ней многоэтажные громады, и дни ее сочтены. Радуюсь и грустя, живут здесь люди в ожидании перемен. Вся жизнь старого Федоса Ходаса неразрывно связана с этой землей. Тут он родился, жил, отдавая ей свой труд, растил сыновей. Младшие Ходасы — Вася, Саша и Андрей, хоть и близнецы, такие разные, несхожие ни характерами, ни судьбами, унаследовали одну — любовь к отчему дому, к земле. Не случайно спорит Федос со старым скептиком дедом Гастрином, что название свое деревня получила не от утреннего рос, что выпадают на лугу, а от того, что жили здесь издревле люди — белые русы, или, как прежде называли, росы.

В роли старика Ходаса мы увидим народного артиста СССР Всеволода Васильевича Санаева. Трех его сыновей играют Николай Караченцов, Михаил Кокшенов и Геннадий Гاربук.

Съемочная группа уже успела побывать на Курильских островах, где, согласно сценарию, маялся вдали от отчего дома «блудный сын» Федоса Саша, прокручивая без конца магнитную ленту с голосом «родного» деревенского петуха.

Теперь съемки фильма продолжаются в Гродно.

Т. ШПАРТОВА.

На снимке: режиссер И. Добролюбов (слева) со съемочной группой.
Фото В. Жигунова.

24 ИЮН 1983

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ
Г. МИНСК